

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

З. А. АХМЕТОВ

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ТЕОРИИ ТЮРКСКОГО СТИХА

(НА МАТЕРИАЛЕ КАЗАХСКОЙ ПОЭЗИИ)

В непосредственной связи с разработкой теории тюркского стиха находится проблема изучения национальной поэтической формы в литературе тюркоязычных народов СССР, а также понимание особенностей традиций и новаторства в современной литературе. Исследование теории стиха предполагает, помимо анализа литературного произведения, также раскрытие взаимосвязи в нем содержания и поэтической формы. В связи с все возрастающим объемом переводов произведений русской поэзии на национальные языки и национальных на русский очень важно сопоставительное изучение тюркского и русского стиха. В настоящее время уже накопилась внушительная литература о тюркском стихосложении. В содержательном обзоре В. И. Асланова¹ рассматриваются наиболее значительные труды по этой проблеме, написанные в основном на русском языке. Однако многие работы современных авторов, изданные на языках национальных республик, остались за пределами этого обзора. Вопросы теории тюркского стиха попутно затрагиваются и в ряде работ, посвященных другим темам.

Таким образом, задача обобщения опыта изучения тюркского стиха уже назрела. В связи с этим возникает необходимость в разработке методики исследования тюркского стихосложения.

Тюркский стих на протяжении многих веков развивался и совершенствовался в поэтическом творчестве многочисленных тюркоязычных народов, однако историко-литературный процесс у каждого из этих народов протекал самостоятельно. Углубленное изучение поэтических образцов и особенностей стиха, даже в рамках одной литературы требует немалых усилий. Исследовать и критически осмыслить творческое наследие всех тюркоязычных народов в совокупности — задача практически трудно осуществимая. И разрешаться она должна, видимо, поэтапно, совместными усилиями коллективов специалистов по отдельным литературам. Нам же в данной статье ставится более локальная и конкретная задача: рассмотреть на материале казахской поэзии лишь один из основных теоретических вопросов — вопрос о строе тюркского стиха.

О свойственном поэзии тюркских народов слоговом строе стиха

¹ В. И. Асланов. Проблемы тюркского стихосложения в отечественной литературе последних лет. — «Вопросы языкознания», 1968, № 1, стр. 118—125.

писал еще В. В. Радлов². Его мнение впоследствии разделялось многими видными тюркологами³.

Т. Ковальский, указывая на свободное расположение ударений в тюркских языках⁴, признает факт построения тюркского стиха на основе счета слогов (см. разъяснение, данное В. М. Жирмунским). Современное казахское литературоведение уделяет большое внимание изучению строя стиха (см. работы С. Муканова, К. Жумалиева, Б. Кенжебаева и др.)⁵.

Особенности, присущие казахскому стиху, дают основание считать его силлабическим.

Основу силлабического стихосложения составляет ритмическая равноценность всех слогов. Эта закономерность диктуется самим строем языка и определяется спецификой его фонетической системы, его мелодическими свойствами, и прежде всего свойством слога. Если бы в казахском языке слух естественным образом не воспринимал число слогов в словах, точнее — количественную определенность слов, то не было бы и речи о неизменном соблюдении одного и того же числа слогов в соизмеримых стихотворных отрезках. В казахском стихе все слоги в равной степени выступают как ритмические единицы.

Слоговая структура пронизывает все казахское стихосложение. На соблюдении определенного числа слогов основывается как структура размеров, состоящих из равносложных стихов, так и размеров, для которых характерно сочетание стихов разной длины внутри строфы. Силлабический принцип характерен и для стихотворных форм со свободным сочетанием сходных по структуре стихов. Этот принцип положен в основу членения стиха на части внутри строк, ибо каждая из частей состоит из нескольких групп слогов, число которых вполне устойчиво. Равносложностью (в отдельных случаях равносложностью в соответствующих строках) характеризуется в казахской поэзии стиховое окончание, то есть конечная в строке слоговая группа. Силлабизм влияет и на построение строф. На слоговом принципе основана рифма, которая реализуется, как правило, в пределах последней слоговой группы в строке. Если два созвучных между собой слова равносложны, то рифма охватывает их целиком, даже в тех случаях, когда они трехсложны или даже четырехсложны. Кроме того, в рифмующихся словах строго соблюдается принцип соответствия слога слогу⁶.

Закономерен вопрос: не вступает ли силлабический принцип с метрической точки зрения в противоречие с фактом наличия в казахском языке ударения?

² W. Radloff. Ueber die Formen der gebundenen Rede bei den altaischen Tataren. — «Zeitschrift für Volkerpsychologie und Sprachwissenschaft», Bd. IV, Berlin, 1866, стр. 85—114; его же. Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Sud — Sibiriens, Tr. III, Kirgizische Mundarten. St.—Pbg., 1870, стр. III—XXVII.

³ Укажем здесь лишь две работы: I. Kunos. Über die Volkspoesie der osmanischen Türken. — В кн.: «Образцы народной литературы тюркских племен, изд. В. Радловым», ч. VIII — наречия османские. Тексты собраны И. Куношем. СПб., 1899; В. Гордлевский. Из наблюдений над турецкой песней. — «Этнографическое обозрение», 1908, кн. 79, стр. 9—18.

⁴ T. Kowalski. Ze Studjów nad forma poezji ludów tureckich. Krakow, 1921; см. также: В. М. Жирмунский. О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха. — «Тюркологический сборник». М., 1970, стр. 30—31.

⁵ С. Муканов. Қазақ өлеңі туралы. — «Социалистік Қазақстан», 1935, № 108; К. Жумалиев. Эдебнет теориясы. Алматы, 1960, стр. 153—192; Б. Кенжебаев. Қазақ өлеңінің құрылысы. Алматы, 1955.

⁶ См.: З. А. Ахметов. Рифма в казахской поэзии. — «Известия АН Каз. ССР», 1961, вып. I, стр. 3—19; М. Хамраев. Основы тюркского стихосложения. Алма-Ата, 1963, стр. 25—89.

Еще В. В. Радлов обратил внимание на то, что в тюркских языках ударные слоги не выделяются резко на фоне безударных⁷. Это положение, подтвержденное в дальнейшем экспериментальными исследованиями многих филологов, никем пока не опровергалось. Оно полностью относится и к казахскому стихосложению. Если грамматическое ударение не имеет резко выраженного характера, неизменно проявляющегося в процессе произношения слов, то возможность употребления силлабо-тонических размеров полностью исключается. В этом случае ударение выступает лишь как одно из вспомогательных средств, дополнительно подчеркивающих и усиливающих те или иные звенья ритмической структуры. Важно при этом подчеркнуть, что здесь не имеются в виду отдельные случаи усиления грамматического ударения интонацией или логическим акцентом.

Сам факт выделения ударных слогов на фоне безударных — явление естественное. Все зависит от принципа, положенного в основу структуры стихотворных размеров. Здесь играет роль не только сила ударения, но еще и различие между ударными и безударными слогами, заключающееся в их относительной силе или слабости. В. Брюсов писал, что силлабическая система «применяется в языках, где все гласные звуки произносятся с одинаковой отчетливостью и приблизительно в одинаковый промежуток времени или с отличием незначительным»⁸.

Для казахского языка не характерно резкое выделение ударных слогов; безударные слоги, за небольшим исключением, слышатся отчетливо и по произношению отличаются лишь весьма незначительно. В. В. Радлов отмечал, что в казахском языке ударный слог выделяется наиболее слабо в сравнении с другими языками тюркской системы⁹.

Относительная слабость грамматического ударения в казахском языке доказана исследованиями и С. К. Кенесбаева¹⁰.

Убедительным доказательством того, что ударение в казахском языке, хотя бы по сравнению с русским, выделяется слабо, является сама структура стиха, особенно ритмическое членение стихов внутри строк (о чем будет сказано ниже), а также то обстоятельство, что в русском стихе слоги, стоящие за ударением, могут не охватываться рифмой, а в казахском рифма, как уже отмечалось, реализуется в пределах последней ритмической части строки.

В данном случае следует говорить не просто о зависимости длительности гласных от ударения. Это явление само по себе естественное и бесспорное. Задача состоит в том, чтобы установить, присущ ли метрике тюркской поэзии принцип регулярного чередования долгих и кратких слогов. Пока это никем достаточно убедительно не доказано. Что же касается удлинения последнего слога ритмических частей строки, то это относится лишь к отдельным размерам, связано с влиянием напева и скорее свойственно традиционной манере чтения стихов. Делать на основании этого факта выводы было бы преждевременным и неверным.

Ударение и долготу слогов в казахском стихосложении следует рассматривать в связи с общей системой стиха, ибо если брать тот или иной

⁷ W. W. Radloff. *Phonetik der nördlichen Türksprachen*. Leipzig, 1883, стр. 99.

⁸ В. Брюсов. *Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам*. М., 1918, стр. 17.

⁹ W. W. Radloff. *Phonetik der nördlichen Türksprachen*, стр. 97.

¹⁰ С. Кенесбаев. *Фонетика*. — В кн.: «Қазіргі қазақ тілі». Алматы, 1954, стр. 152—153; *его же*. К вопросу о закономерностях акцентуации в казахском языке. — «Вопросы казахской филологии». Алма-Ата, 1964, стр. 12.

признак обособленно, то в стихе любой системы можно найти какие угодно размеры. Многие, характерные для данного языка, признаки и черты часто бывают присущи и другим языкам (в случае неродственных языков — сравнительно в меньшей степени). В стихосложении в зависимости от строя языка выдвигается в качестве основной какая-либо одна особенность. Все остальные находятся в подчиненном к ней положении. Например, в русском стихе (и не только в силлабо-тоническом) четко воспринимаются и количество слогов, и соблюдаемые на протяжении ряда стихов на одном и том же месте словоразделы. Известно, что в свое время многие считали, что русский стих может быть по своему строю силлабическим. В связи с этим создавались различные теории о строе русского народного стиха. Сейчас уже можно считать общепризнанным, что все известные формы русского стиха так или иначе строятся на ударении¹¹.

В казахской поэзии, как и в поэзии других тюркских народов, наряду с делением стихотворной речи на строки, большое значение имеет ритмическое членение на части внутри строк путем отсчета слогов. Это явление отмечалось в поэзии различных тюркоязычных народов такими видными тюркологами, как В. В. Радлов, И. Кунош, В. Гордлевский, Ф. Корш¹².

Внутреннее членение стихов в пределах строки в казахской поэзии осуществляется полностью на основе силлабического принципа: в каждой ритмической части имеется определенное число слогов. Лишь некоторые размеры допускают взаимную замену или перемещение двух соседних ритмических частей. Например, в одиннадцатисложном стихе могут чередоваться строки со следующим ритмическим членением на слоги: 3+4+4 и 4+3+4. В другом варианте данного размера структура 4+4+3 сохраняется неизменной, и стих звучит более «гладко». Первая стихотворная форма отличается гибкостью ритма, вторая — плавностью, каждая из них имеет свои преимущества.

В большинстве стихотворных размеров строка состоит из неравных по числу слогов ритмических частей. Это нисколько не противоречит принципам силлабики, так как определенность числа слогов неизменно сохраняется. Кроме того, этот факт лишний раз доказывает, что в казахском стихе количество слогов играет большее значение, нежели их качество. При определенном чередовании как ударных и безударных, так и долгих и кратких слогов членение стиха на неравные части представляло бы большое неудобство.

Внутреннее членение казахского стиха, как и стиха других тюркских народов, характеризуется существенным своеобразием. Его трудно уяснить с точки зрения сложившихся в литературоведении представлений, возникших на основе силлабо-тонического, квантитативного (метрического) стиха, согласно которому ритмические доли, являясь единицей повторности, по самому своему характеру должны сочетаться в определенном стихотворном размере лишь с равными себе. Не противоречит ли сочетание неравных по числу слогов ритмических частей в строке требованиям ритмической повторяемости? Такое предположение, высказываемое порою отдельными авторами, совершенно необоснованно. Ритмичность создается не только внутри строк или одного отдельно взятого сти-

¹¹ Л. И. Тимофеев. Об изучении стиха Маяковского. — «Литература в школе», 1953, стр. 24; *его же*. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958, стр. 314.

¹² См. указ. работы В. В. Радлова, И. Куноша, В. Гордлевского, а также: Ф. Корш. Древнейший народный стих турецких племен. — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XIX, вып. II—III. СПб., 1909.

ха, она возникает главным образом при повторении структуры стиха в нескольких строках. А что касается одного стиха, рассматриваемого обособленно, здесь важно иметь легкую и гибкую ритмическую структуру. Поэтому в поэтическом произведении достаточно сочетать стихи, состоящие из равных и неравных ритмических частей.

Поскольку казахский стих строится на силлабической основе, большое значение имеет количество слогов. Однако вследствие несовпадения графического изображения слов с их произношением нередко при подсчете слогов допускаются ошибки даже специалистами-филологами. Кроме того, при произношении отдельных слов возможно выпадение кратких гласных, равно как и сохранение их, обусловленное требованиями ритма. В связи с этим в казахском языке наблюдается свободное изменение слогового объема отдельных слов¹³. Аналогичное явление характерно и для киргизской поэзии¹⁴.

Убедительные доводы, подтверждающие силлабический слоговой строй тюркского стиха, находим в трудах, посвященных азербайджанскому стиху (А. Джафар, Ф. Сеидов, М. Адилов), узбекскому стиху (У. Туйчиев, М. Шейхзаде, М. Саидов), уйгурскому стиху (М. Хамраев), татарскому и башкирскому стиху (Г. Усманов, Г. Шамуков, Г. Хусанов) и др.

Силлабический характер казахского стиха в настоящее время не подвергается сомнению. Однако И. В. Стеблева высказывает несогласие с этим общепринятым мнением¹⁵. При этом она исходит из понимания силлабического стиха как системы, «главным условием которой является соблюдение равенства числа слогов во всех строках»¹⁶. Поэтому она считает, что нельзя «совместить разносложные стихи с силлабической системой стихосложения»¹⁷.

Рассмотрим приведенные И. В. Стеблевой факты.

В казахской поэзии, действительно, сравнительно редко можно встретить стихотворное произведение, сложенное одними семисложными стихами. В большинстве случаев семисложные стихи свободно перемежаются с восьмисложными. Усматривать в подобных фактах нарушение силлабического принципа, как это делает И. В. Стеблева¹⁸, было бы неверным. Ведь в данном случае речь идет о семисложных стихах со структурой 4+3 и о стихах из восьми слогов со структурой 3+2+3. Семисложными и восьмисложными стихами, а также их сочетаниями написаны многие произведения казахской поэзии, однако здесь нет простого удлинения или сокращения строки на один слог, ибо каждый из стихов имеет свою внутреннюю ритмическую структуру, при этом изменению подвергается структура лишь начальной части стиха, а его конечная часть остается неизменно трехсложной¹⁹. Таким образом, в данном случае имеет место свободное сочетание стихов, близких по ритмической структуре. Этот вывод подтверждается также и тем обстоятельством, что семисложный

¹³ З. А. Ахметов. Равенство слогов в казахском стихе (об изменчивости слогового состава некоторых слов). — «Вестник Академии наук Каз.ССР», 1959, стр. 27—37.

¹⁴ См.: К. Рысалиев. Киргизское стихосложение. Автореф. докт. дисс. Фрунзе, 1965.

¹⁵ И. В. Стеблева. Некоторые особенности тюркского стиха. — «Советская тюркология», 1970, № 5, стр. 98—104.

¹⁶ И. В. Стеблева. М. Хамраев. Очерки теории тюркского стиха. — «Народы Азии и Африки», 1971, № 2, стр. 209.

¹⁷ Там же.

¹⁸ И. В. Стеблева. Некоторые особенности тюркского стиха, стр. 99.

¹⁹ См.: З. А. Ахметов. Казахское стихосложение. Алма-Ата, 1964, стр. 56.

стих свободно сочетается не с любым восьмисложным стихом. Так, например, восьмисложный стих с ритмическим членением 4+4 сочетается с семисложным стихом только в строго определенном порядке.

Что же касается случаев сочетания восьмисложных стихов с девяти- и десяти-сложными, то здесь можно привести лишь одно очень короткое стихотворение Абая. Среди многочисленных произведений казахской поэзии разных эпох не удалось обнаружить даже десятка с подобным сочетанием.

Пример одиннадцатисложного размера, приведенный И. В. Стеблевой в двух упомянутых ее статьях, ни в чем не убеждает, ибо стихи прочитаны ею неточно. Во второй статье, правда, имеется оговорка: «Если в этом примере учесть редукцию при произношении, то 14-сложная строка катрена сведется к 11 слогам... То же должно произойти с пятисложными стопами первой и второй строки»²⁰. Именно в силу данной закономерности основанный на этом примере вывод о возможности сочетания одиннадцатисложного размера с двенадцати-, тринадцати- и четырнадцатисложными остается недоказанным, так как в произведениях казахской поэзии, написанных одиннадцатисложными стихами, такое сочетание на самом деле не встречается.

Что же касается «Восьмистиший» Абая, в которых сочетаются разносложные стихи, то чередование размеров в них происходит только в строгом порядке и в рамках строфы. При этом каждый из стихов имеет определенную длину (число слогов) и форму ритмического членения. Чередованию строк в строфе в строгом порядке соответствует способ рифмовки: *aab vvb gg*, неизменно соблюдаемый на протяжении всего произведения.

Между тем И. В. Стеблева пишет: «Однако разносложные стихи в тюркской поэзии — это особенность отнюдь не только древнетюркской поэзии. В частности, можно сослаться на работу З. А. Ахметова, который, анализируя природу казахского стиха, приводит пример Абая, создавшего стихи, имевшие от пяти до восьми слогов в строках»²¹.

Из того факта, что в «Восьмистишиях» в рамках одной строфы сочетаются в определенном порядке пятисложные стихи и стихи из восьми (или семи) слогов, вовсе не следует, что «строки в пять и восемь слогов могут быть ритмически однозначными»²², как это представляется И. В. Стеблевой. Возможность их сочетания в какой-то степени действительно определяется тем, что «в них имеются необходимые для осуществления ритма группировки слогов»²³. Здесь короткие стихи ритмически соотносятся между собой так же, как и длинные. Кроме того, структура строфы такова, что две пятисложные строки каждый раз противопоставляются одной восьми- или семисложной. Последний длинный стих завершает трехстишную, относительно законченную часть строфы, и после него следует пауза. Этим и создается необходимое ритмическое равновесие. Не случайно все казахские литературоведы, изучавшие эту стихотворную форму, считают ее основанной на силлабическом принципе с определенным числом слогов в соответствующих строках²⁴. Стихотворная форма

²⁰ И. В. Стеблева. Некоторые особенности тюркского стиха, стр. 102.

²¹ И. В. Стеблева. Еще раз об орхоно-енисейских текстах как произведениях поэзии. — «Народы Азии и Африки», 1969, № 2, стр. 126.

²² И. В. Стеблева. Некоторые особенности тюркского стиха, стр. 100.

²³ Там же.

²⁴ С. Мұқанов. Абай қазақ халқының ұлы кемеңгері. — В кн.: «Абай Құнанбаев. Шығармаларының толық жинағы». Алматы, 1945, стр. XIX; Қ. Жұмалиев. Абайға дейінгі қазақ поэзиясы жәнэ Абай поэзиясының тілі. Алматы, 1948, стр. 196—198.

«Восьмистиший» — одна из наиболее канонизированных форм казахской поэзии нового времени.

В примере из казахской поэзии, приведенном И. В. Стеблевой, строки:

*Жапыра /ғың мен/жасырышы,
Қойныца/мен/енейін! —*

ритмически расчленены неверно. Первая строка произносится вследствие выпадения гласного *ы* в семь слогов (*жап[ы]рағын мен*), и «несовпадение... постоянного словораздела с границами слов»²⁵ в действительности не имеет места. Также неточно и расчленение второй строки. Отдельная строка, взятая обособленно, может члениться различно, поскольку в этом случае интонационно-синтаксическое членение принимается за ритмическое (упорядоченное, повторяемое). Стопа односложная, или «состоящая из одного ударного слога», о которой говорит И. В. Стеблева²⁶, в казахской поэзии не «сравнительная редкость»: ее просто не существует.

Чтобы обосновать какой-либо более или менее общий вывод о ритмическом строе стиха в казахской поэзии, не согласующийся с ранее высказанными положениями, необходимо проанализировать наиболее существенные доводы, выдвинутые различными авторами в защиту этих положений, и разобрать хотя бы основные, наиболее характерные примеры из казахской поэзии. При этом нельзя допускать, чтобы даже отдельные особенности, присущие стиху одной литературы, приспособлялись, вследствие их ошибочного толкования, к выводам, полученным на основе изучения материалов других литератур, в том числе и древнетюркских надписей. Если современными языками предоставляются для разработки теории стиха факты, исключаяющие различные толкования (речь не идет о случайных ошибках по недосмотру), то исследователь ритмических особенностей древних памятников оказывается перед необходимостью, говоря словами И. В. Стеблевой, «представить себе его возможное звучание»²⁷.

Публикации И. В. Стеблевой активно привлекают внимание тюркологов к вопросам поэтических особенностей и ритмики древнетюркских надписей.

Возражая А. М. Щербаку, считающему, что орхоно-енисейские надписи «по своему характеру не являются поэтическими произведениями»²⁸, И. В. Стеблева утверждает, что они являются произведениями поэзии, написанными «тонино-темпоральным стихом»²⁹. Выводы И. В. Стеблевой в свою очередь вызвали возражения В. М. Жирмунского³⁰, Л. Гржебичека, В. И. Асланова, а также М. Х. Бакирова.

Думается, что при решении вопроса о ритмическом строе древнетюркских надписей следует учитывать эволюцию литературно-художественного творчества, развитие различных литературных жанров и, что особенно важно в плане изучаемого вопроса, четко различать стихотворные формы, имеющие сложную, законченную структуру, и ранние формы ритмической речи (дошедшие до нашего времени в пословицах и поговорках, народных афоризмах и изречениях), представляющие собой ско-

²⁵ И. В. Стеблева. Некоторые особенности тюркского стиха, стр. 103.

²⁶ Там же.

²⁷ И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI—VIII веков: М., 1965, стр. 25.

²⁸ А. М. Щербак. Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении. — «Народы Азии и Африки», 1961, № 2, стр. 145.

²⁹ И. В. Стеблева. Поэзия тюрков, стр. 35—36.

³⁰ В. М. Жирмунский. Орхонские надписи — стих или проза? — «Народы Азии и Африки» 1968, № 2, стр. 74—82. См. также: М. Х. Бакиров. Закономерности тюркского и татарского стихосложения в свете экспериментальных исследований. Автореф. канд. дисс. Казань, 1972.

рее полустихотворные отрывки, или же разновидности народного свободного стиха. К последним тесно примыкают образцы народной ритмизованной прозы, в которых иногда обнаруживаются весьма отчетливые ритмические построения.

Несомненно, стихосложение в тюркоязычных литературах, в том числе и ритмический строй древнетюркских надписей, будет и дальше изучаться и уточняться, ибо этот вопрос постоянно привлекает внимание широкого круга тюркологов, специалистов в области языков и литератур народов СССР.
